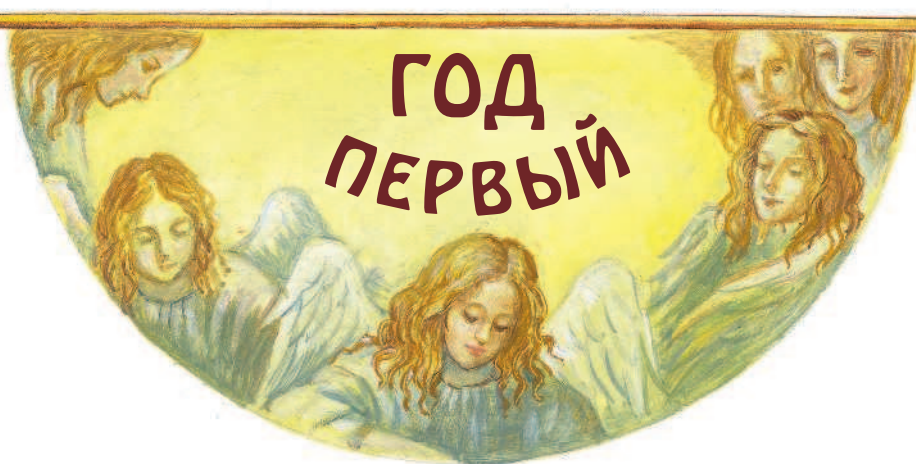

МЕЛЬНИЦА В КОЗЕЛЬБРУХЕ

Наступил Новый год. Крабат, сорбский мальчик лет четырнадцати, сговорился ещё с двумя такими же нищими мальчишками пойти колядовать по деревням — наряжаться волхвами и распевать во дворах рождественские песни. Не устроили их и указ его милости курфюрста Саксонского, карающий бродяг и попрошаек. Да ведь судьи и другие чиновники тоже не принимали этот указ чересчур уж всерьёз.

И вот три волхва, водрузив на голову венцы из соломы, бредут от деревни к деревне. Один из них, маленький весёлый Лобош, изображает мавра. С утра старательно вымажет сажей лицо и руки и весь день с гордым видом несёт впереди прибитую к палке Вифлеемскую звезду. Подходя к подворью, они на ходу перестраиваются, Лобош теперь в середине. И возносятся к небу чистые звонкие голоса. Правда, Крабат только губами шевелит — у него ломается голос. Зато друзья его стараются вовсю.

Многие крестьяне закололи под Новый год свинью, а потому и угощение волхвам подносят царское — колбасу, сало. А то и яблоки перепадают, чернослив, орехи. Пореже — медовые лепёшки, анисовые пряники, печенье с корицей.

— А здорово Новый год начался! — говорит Лобош на третий день к вечеру. — Вот бы и дальше так!

— Да, неплохо бы! — вздыхают волхвы.

Ночь провели на сеновале возле кузни. Тогда Крабату и приснился впервые тот таинственный сон.

...Длинная жердь — вроде насеста. На ней одиннадцать воронов. Пристально смотрят они на Крабата. А на самом конце жерди — свободное место. И вдруг голос. Он долетает издалека, будто гонимый ветром: «Крабат!.. Крабат!.. Крабат!..» У Крабата нет сил отозваться. Голос приказывает: «Иди в Шварцкольм на мельницу! Не пожалеешь!» Вороны взывают ввысь. Каркают: «Повинуйся Мастеру... Повинуйся!..»

Крабат просыпается: «И что только не приснится!» Поворачивается на другой бок.

Днём они бредут дальше. Вспомнив про воронов, Крабат улыбается.

Но и на следующую ночь сон повторился. Опять звал его голос, опять каркали вороны: «Повинуйся!»

Тут уж не до смеха.

Утром Крабат спросил хозяина дома, где они ночевали, знает ли тот деревню Шварцкольм. Крестьянин задумался:

— Шварцкольм?... Шварцкольм... Кажется, слышал. Ах да! На дороге к Ляйпе. У самого Хойерсвердского леса стоит.

Волхвы переночевали в Грос-Парвитце. И опять приснился Крабату тот же сон: вороны и чудной, плывущий по воздуху голос — всё, как в первый раз.

Тут уж он решился.

На рассвете, оставив спящих спутников, выскользнул из сарая. У ворот попросил какую-то девушку, спешившую с ведрами к колодцу, передать им привет и сказать, что он уходит.

И вот Крабат шагает один от деревни к деревне. Ветер швыряет ему в лицо пригоршни снежной крупы. На каждом шагу приходится останавливаться, протирать глаза. Как назло, в Хойерсвердском лесу сбился с пути. Часа два ушло, чтобы отыскать дорогу. Лишь под вечер дошёл до деревни.

Деревня как деревня: дома и сараи по обе стороны улицы, сугробы, дым над крышами. Из хлебов доносится глухое бляение и мычание. На льду небольшого пруда смех и веселье — дети носятся на коньках.

Крабат озирается, ищет вдали мельницу, её не видно. Старик с вязанкой хвороста на вопрос Крабата отвечает:

— Тут, в деревне, мельницы нет.

— А по соседству?

— А-а, может, ты про ту... — Старик тычет пальцем через плечо. — Там, подальше, в Козельбрухе, у Чёрной воды, есть одна, да только вот... — Старик умолкает, испугавшись, что сказал лишнее.

Крабат благодарит и идёт туда, куда показал старик. Вдруг кто-то трогает его за рукав. Он оборачивается — всё тот же старик с хвостом.

— Ты что? — удивляется Крабат.

Старик подходит ещё ближе, испуганно шепчет:

— Слышь, парень, обойди-ка ты лучше стороной Козельбрух и мельницу у Чёрной воды. Там нечисто...

Одно мгновение Крабат колеблется. Стоит в нерешительности и смотрит на старика. Потом идёт дальше, выходит из деревни в поле.

Темнеет. Только бы не сбиться с пути, не потерять тропинку. Его познабливает. Оглянувшись, он видит, как в деревне один за другим зажигаются огни.

«Может, назад повернуть?»

— Да ну! Что я, маленький, что ли? — бормочет он и поднимает воротник.

Он бредёт по лесу, как в тумане. Нежданно-негаданно выходит на поляну. И тут, разорвав облака, выглядывает луна. Всё освещается холодным серебристым светом.

Крабат видит мельницу.

Притаившись в снегу, стоит она мрачная и угрюмая, словно огромный злой зверь в ожидании добычи.

«Никто ведь не заставляет меня идти!...»

Собрав всё своё мужество и обозвав себя трусом, Крабат подходит ближе. Решительно направляется к двери, толкает её. Дверь заперта. Стучит раз, другой... Ни звука — ни лая собак, ни скрипа ступенек, ни позвякивания ключей.

Он стучит снова. Стучит так, что кулакам больно. Но по-прежнему тихо на мельнице. Он пробует нажать ручку. И тут... дверь поддаётся.

Он входит в сени. Мрак и тишина. Но где-то в глубине чуть брезжит свет. Слабое мерцание...

Где свет, там и люди.

Он идёт на свет, вытянув вперёд руки, на ощупь. Свет пробивается сквозь узкую щель приоткрытой двери. Подкравшись на цыпочках, он пытается разглядеть в щёлку, что там, за дверью.

Полутёмная каморка, освещённая лишь пламенем свечи. Свеча красная. Она примостилась на черепе, лежащем на столе посреди комнаты. За столом какой-то человек в чёрном. Огромный, широкоплечий, лицо бледное как мел. На левом глазу чёрная повязка. Перед ним на столе толстая книга в кожаном переплёте, на цепи. Человек читает.

Вдруг он поднимает голову, пристально смотрит в сторону двери, словно заметил Крабата. Его взгляд пронизывает Крабата, глаза у того начинают слезиться. Всё словно подёрнулось пеленой.

Крабат протирает глаза. И вдруг чувствует на своём плече ледяную руку. Холод проникает сквозь куртку и рубашку. Хриплый голос произносит по-сорбски:

— А вот и ты! Наконец-то!

Крабат вздрагивает — голос ему знаком. Обернувшись, он видит человека с чёрной повязкой на глазу.

Как он здесь очутился? Не сквозь дверь же прошёл?

В руках у человека свеча. Он поднимает её, молча осматривает Крабата, медленно цедит:

— Я здесь хозяин. Мастер. Мне нужен ученик. Могу взять тебя. Хочешь?

— Хочу! — отвечает Крабат и не узнаёт своего голоса, он кажется чужим, незнакомым.

— Чему тебя учить? Молоть зерно или ещё чему другому? — допытывается Мастер.

— Другому тоже.

— Ну что ж, по рукам! — Мельник протягивает ледяную руку. Левую.

Как только они ударили по рукам, раздался глухой рокот. Пол покачнулся, стены задрожали, балки и косяки содрогнулись. Шум шёл будто из-под земли.

Крабат вскрикнул, метнулся. Прочь, прочь отсюда!..

Но Мастер преградил ему путь.

— Мельница! — крикнул он, сложив рупором руки. — Мельница заработала!

ОДИННАДЦАТЬ И ОДИН

Мастер поманил Крабата следовать за ним. Осветив свечой крутую лестницу, молча повёл его на чердак, где жили подмастерья. Огонёк свечи высветил низкие нары, по шесть с каждой стороны прохода, мешки с соломой на них, рядом тумбочки и табуретки. Скомканные одеяла, перевёрнутая скамейка, брошенные кое-как рубашки и портянки. Видно, люди прямо из постели сломя голову бросились на работу.

Лишь одна постель аккуратно застелена. Мастер ткнул пальцем в узелок, лежащий в изголовье:

— Твоя одежда!

Потом повернулся и ушёл, унося свечу.

Крабат остался один в темноте. Начал медленно раздеваться. Снимая шапку, обнаружил на ней соломенный венец. Ах да, ещё вчера ведь они, три волхва, бродили по дворам... Как давно это было!

Чердак весь дрожал от шума и грохота работающей мельницы. Какое счастье, что он смертельно устал! Едва коснувшись подушки, он уснул глубоким тяжёлым сном. Как долго он спал!.. И вдруг проснулся, потревоженный светом фонаря. Приподнял голову и... оцепенел.

Над ним склонились одиннадцать белых фигур... белые лица, белые руки...

— Кто вы? — в испуге прошептал Крабат.

— Скоро и ты станешь таким же, — ответил один.

— Мы тебя не тронем, — успокоил другой, — мы — подмастерья.

— Вас одиннадцать?

— Ты — двенадцатый. Как тебя звать?

— Крабат. А тебя?

— Я — Тонда, старший подмастерье. Вот Михал, а это Мертен, Юро... — Тонда назвал всех по имени. — Ну, на сегодня хватит. Спи, Крабат, тебе надо набраться сил. Тут ведь знаешь как... у нас на мельнице...

Подмастерья разбрелись по постелям. Кто-то задул фонарь.

— Спокойной ночи!

И все тут же дружно захрапели.

На завтрак собрались в людской. Сидели за длинным деревянным столом. Все двенадцать. На четверых была одна миска с жирной овсяной кашей.

Голодный Крабат ел за троих. Если обед и ужин такие же сытные, как завтрак, что ж, на мельнице жить можно!

Тонда, старший подмастерье, оказался статным парнем с седой шевелюрой. А по лицу ему не дать и тридцати. Глаза серьёзные, грустные, а говорит спокойно и дружелюбно. Крабат сразу почувствовал к нему доверие.

— Ну как, не очень мы тебя напугали нынче ночью? — спросил Тонда Крабата.

— Да нет... не очень!..

Ночные призраки при свете дня выглядели ничуть не страшно. Люди как люди! Говорили они по-сорбски и были всего на несколько лет постарше Крабата. Когда кто-нибудь из них встречался с ним взглядом, ему казалось, что тот глядит на него

с сочувствием. Странно. Но об этом он не слишком задумывался.

Что его больше удивляло, так это одежда, которую он нашёл на нарах. Вещи были поношенные, но пришлись ему впору, будто на него сшиты. Он всё же решился спросить, откуда они взялись, чьи были раньше. Наступило тягостное молчание. Подмастерья удручённо глядели на него, опустив ложки.

— Я сказал глупость?

— Нет, нет, — успокоил его Тонда. — Это одежда... Твоего предшественника.

— А почему его нет? Он уже выучился?

— Да... Он выучился.

В это мгновение дверь распахнулась.

В комнату ворвался разъярённый Мастер. Парни потупились и ссутулились.

— Прекратить болтовню! — взревел он, глядя на Крабата в упор своим единственным глазом. — Кто много спрашивает, тому много врут. Понял? А ну-ка, повтори!

— Кто много спрашивает, тому много врут, — повторил Крабат, запинаясь.

— Заруби это себе на носу!

Дверь за Мастером захлопнулась.

Подмастерья вновь заработали ложками. Но Крабату вдруг расхотелось есть. В полной растерянности он переводил взгляд с одного на другого. Никто не обращал на него внимания. Ан нет. Тонда едва заметно ему кивнул. Радость охватила Крабата — как хорошо, что на мельнице у него есть друг!

После завтрака отправились на работу. Крабат поднялся вместе со всеми. В сенях стоял Мастер.

— Следуй за мной! — поманил он Крабата пальцем.

Вышли во двор. Ярко светило солнце, на деревьях сверкал иней. Было безветренно и морозно.

Обошли мельницу. Сзади оказалась ещё одна дверь. Мастер открыл её. Вошли в каморку с низким потолком и двумя крохотными окошками, серыми от мучной пыли. Толстым слоем она лежала повсюду — на полу, на стенах, на дубовой балке, свисающей с потолка.

— Вымети! — приказал Мастер, ткнув пальцем в угол, где стояла метла. И ушёл.

Что ж, надо браться за работу! Но от первых же взмахов метлы поднялось густое облако мучной пыли и окутало Крабата.

«Нет, так не пойдёт! Пока я мету здесь, пыль оседает там. Надо открыть окно!...»

Но оказалось, что окна заколочены снаружи.

Попробовать открыть дверь?

Но и дверь заперта. Крабат принялся трясти её, колотить кулаками. Всё напрасно... Он в ловушке!..

Лоб Крабата покрылся испариной. Мука оседала на волосах, склеивала ресницы. От неё першило в горле, щекотало в носу. Всё было как в бесконечном кошмарном сне: облака мучной пыли, густой туман, метель...

Дышать становилось всё труднее, кружилась голова, он стукнулся лбом о балку. Может, бросить всё это? Поставить в угол метлу? А что

скажет Мастер? Ведь с ним шутки плохи. Да и жалко терять кров и еду. Надо попробовать ещё раз!

От двери к окну, от окна к двери, опять от двери к окну... И так час за часом! Казалось, прошла целая вечность.

И вдруг кто-то рванул дверь. Тонда!

— Выходи! Обед!

Дважды повторять ему не пришлось. Едва держась на ногах, задыхаясь и кашляя, Крабат пошёл к двери. Тонда окинул взглядом каморку, понимающе посмотрел на Крабата.

— Ничего, брат, поначалу всем так приходится!

Потом он пробормотал какие-то непонятные слова, начертил в воздухе какие-то знаки. Мгновенно вся пыль поднялась, будто из щелей и пазов подул ветер. Белое облако взметнулось над Крабатом, вылетело в дверь, унеслось в лес.

Каморка засверкала чистотой. Ни пылинки!

Крабат широко раскрыл глаза:

— Как же это ты смог?

Но вместо ответа Тонда сказал:

— Пошли, Крабат, суп остынет!

РАБОТА ЗДЕСЬ, КОНЕЧНО, НЕ МЁД...

Трудно пришлось Крабату. Мастер не давал передышки, всё подбавлял да подбавлял работы: «Куда ты подевался, Крабат? А ну-ка, оттащи мешки в амбар!», «Иди-ка сюда! Перевороши лопатой зерно, не то прорастёт!», «В муке, что ты вчера просеял, полно мякины! После ужина просеешь снова! Пока не кончишь, спать не ложись!».

Мельница в Козельбрухе работала и в будни и в праздники, с раннего утра до позднего вечера. Лишь раз в неделю, по пятницам, они кончали раньше, а по субботам начинали часа на два позже.

Крабат таскал мешки, просеивал муку, колол дрова, разгребал снег, носил на кухню воду, чистил скребницей лошадей, убирал навоз — дел хватало. Вечером, ложась на нары, чувствовал себя разбитым. Ломило поясницу, ныли руки и ноги, горели волдыри на плечах.

Крабат удивлялся своим товарищам. Тяжёлая работа, казалось, совсем их не затрудняла — никто не жаловался, да никто особенно и не уставал.

Как-то утром он расчищал дорогу к колодцу. Ночью шёл сильный снег, намело высокие сугробы, засыпало все тропинки. Крабат устал. Каждый взмах лопаты отдавался в пояснице. Стиснув зубы, пытался он превозмочь боль. Вдруг появился Тонда. Убедившись, что никого вокруг нет, положил ему руку на плечо.

— Держись, Крабат!

Крабату показалось, что в него влились новые силы. Боль отступила. С жаром схватился он за лопату, начал расшвыривать сугроб. Но Тонда остановил его:

— Только смотри, чтоб Мастер не заметил! И Лышко тоже.

Лышко, длинный как жердь парень с острым носом и колким взглядом, не понравился Крабату с первого же дня. Сразу видно — ябеда и наушник.